

Райкин Аркадий Исаакович

Москва, правда - 1995, - 14 марта, - с. 6

которой познакомился раньше, чем с ним. А впервые мы подали друг другу руки в 1939 году, когда Райкин, уже лауреат Всесоюзного конкурса артистов эстрады, выступал в составе Ленинградского театра миниатюр, был его художественным руководителем. Играл театр в помещении эстрадного театра «Эрмитаж», и в его программу входил

гораздо существеннее, он один, без помощи режиссера, сумел подготовить за сутки полуторачасовое выступление. И, выйдя после Марсо(!), заставил на себя смотреть (!) и себе аплодировать! Убежден: весьма немногие актеры справились бы с такой задачей. Особенное впечатление произвела сцена «Жизнь человека», когда артист, не произнося ни слова, показал человека от поры младенчества до глубокой старости. Люди старшего поколения, наверное, помнят эту его миниатюру.



Оказавшись оба в затруднительном положении, мы как-то сблизились и на следующий день пошли гулять по городу. Тут я и увидел, как остро реагирует Райкин на любые зрелища, будь то рекламные плакаты, раскрашенные киоски или магазинные витрины. Обратили внимание на вывеску «Аквариум», решили зайти. Райкин туда особенно рвался. Оказалось, что его сын Константин увлекается биологией, хочет себя посвятить этой науке. Аквариум оказался первоклассным, я таких удивительных рыб ранее не видел, а теперь и не увижу. А потом мы стояли на мостике, а под нами, метрах в полустах, находились огромные крокодилы. Это было одновременно увлекательно и жутко. Но как на все смотрел Райкин! Тут соединились детская непосредственность и огромное любопытство. Вот уж идеальный в своем восприятии зритель.

номер эквилибристов на свободно провисающей проволоке А. и Р.Славских. С ними я дружил, и они меня Райкину представили, а с женой Аркадия Исааковича мы встретились по-дружески.

И еще один эпизод. Большую часть денег, которые нам заплатили, мы должны были отдать в Министерство культуры СССР, на остальные купили какие-то подарки. В результате остались почти без гроша, а жить нам следовало в Берлине еще сутки, и голод все больше давал себя чувствовать. Тогда мы купили по булке с сосиской и тут же на улице их съели. А когда трапеза совершалась, Райкин начал хохотать, да так заразительно, что я его поддержал. Наверное, давно ему не приходилось питаться таким образом.

В день знакомства отправились в ресторан. Тогда на Страстном бульваре, если идти по правой стороне по направлению Тверской, находилось журнально-газетное объединение, при нем действовал ресторан, посещаемый по преимуществу журналистами, писателями, актерами. Помню, что там подали калачи, уже тогда редко появляющиеся на полках булочных.

Прошло много лет, Райкин приобрел всесоюзную известность, но его сатирический репертуар вызывал все большую ненависть у власти имущих. В результате по указанию первого секретаря московского городского комитета КПСС В.В.Гришина Райкину запретили выступать в Москве. К такому запрещению стали присоединяться и другие города. В Министерстве культуры РСФСР ему посоветовали оставить театр и проводить творческие вечера, что, конечно, никак бы не способствовало райкинскому успеху. Театр являлся его детищем, в нем он вместе с другими актерами создавал острейшие сатирические спектакли.

Что меня удивило в Райкине и чему я был свидетель в последующие годы? Его молчаливость в застольной беседе. Он ограничивался короткими репликами. В ту пору я был знаком со многими эстрадными артистами и знал, что многие из них любили поговорить.

Для выступлений оставался Ленинград, но и в этом городе работать становилось все труднее, и здесь стали поговаривать, что деятельность театра следует прекратить. К тому же театр успел выступить в большинстве дворцов культуры.

То, о чем я сейчас скажу, может быть, только мое мнение, но я в нем убежден. Находясь в компании, гуляя в одиночестве, присутствуя на представлениях в других театрах, Райкин продолжал думать о своих спектаклях, необычайных поворотах действия, интересных событиях, которые следовало бы отразить. Он постоянно наблюдал за происходящим, выбирал то, что могло пригодиться при постановке спектакля и исполнении роли... А таким наблюдениям зачастую мешало все второстепенное вокруг, в частности и пустые застольные разговоры. Всегда, или во всяком случае большую часть времени, он жил тем, что будет происходить на сцене. Весельчаком, душой общества в обыденной жизни Райкин не был, так по крайней мере мне казалось.

В это время я вместе с группой театроведов приехал в Ленинград на какую-то конференцию. Она закончилась, мы собирались уезжать, билеты на поезд следовало получить во Дворце искусств имени К.С.Станиславского. Туда мы и пришли. Сказали, что экспедитор в такой-то комнате, но когда я в нее вошел, в ней находились Райкин и какой-то большой начальник. Пришлось выйти и ждать экспедитора в коридоре. Тут появился Райкин. Он был, видимо, сильно расстроен, подошел и сказал: «Юра, что же мне делать? Мне же совершенно не дают работать». Что я мог сказать в ответ, кроме банальных утешений?

Я вовсе не хочу сказать, что он был каким-то анахоретом. Ничто человеческое ему не было чуждо, расцветал он, когда после спектакля к нему со словами восторга и благодарности приходили люди, особенно им уважаемые.

В тот же вечер в одном из дворцов культуры шел спектакль Ленинградского театра миниатюр, на котором мы присутствовали. Райкин играл. Конечно, был аншлаг, и артист имел огромный успех. Но вот, кажется, спектакль кончился, пошел даже железный пожарный занавес, а публика все не уходила, продолжала аплодировать. И тогда Райкин вышел на авансцену и спел о добром зрителе из девятого ряда, который всегда его поддерживал и ради которого он не покидает театра. Он пел, а я вспоминал наш дневной разговор и чувствовал, как комок подступает к горлу. Наконец я не выдержал, вышел из ложи и заплакал. Такого у меня в театре никогда не случалось.

Случилось так, что мы вместе отправились в Западный Берлин, на Всемирный фестиваль пантомимы. Поездка оказалась более чем сложной. Когда нас в Москве готовили к отъезду, говорили: вы приглашены в качестве гостей, ваше дело заключается только во внимательном наблюдении за происходящим. На это мы и ориентировались. Но едва переступив порог гостиницы, узнали, что от меня требуется доклад о развитии искусства пантомимы в нашей стране, а Райкин должен выступать на фестивале как актер. Шутка сказать. К такому повороту мы были совершенно не готовы, тем более что фестиваль проходил на немецком языке.

Вечером наш поезд ушел в Москву, поэтому мы только наскоро простились с Аркадием Исааковичем, а сказать ему хотелось много...

Ну я-то, ладно, что-то вспомнил и пролепетал. А как быть Райкину? Хорошо, что он захватил котелок, трость и парик Чарли Чаплина, думал, а вдруг попросят выступить в посольстве. Но для фестиваля этого было мало. К тому же Райкин никогда не был профессиональным артистом пантомимы. А тут собрались корифеи этого искусства. Каждый вечер давались два спектакля, и в последний, самый ответственный вечер должны были выступить Марсель Марсо - всемирно известный мим - и Райкин. Тут было от чего расстроиться.

Аркадий РАЙКИН

То, что Аркадий Исаакович Райкин был великим актером, общеизвестно и не нуждается в дополнительных подтверждениях. Я же позволю рассказать о Райкине, каким он был, или во всяком случае мне казался, в бытовом плане. Совсем не хочу утверждать, что мы были закадычными друзьями, но знали друг друга десятилетия, он меня называл Юрой, я его Аркадием. Присутствовал Райкин на моем юбилее, проходившем в Центральном Доме работников искусств. Хорошо я знал его жену, с

Юрий ДМИТРИЕВ.